

С. ГОРОДЕЦКИЙ

Три поэта

Три имени имеют исчерпывающее значение для поэзии вчерашнего дня: Валерий Брюсов, Вячеслав Иванов и Бальмонт. Федор Сологуб стоит как-то в стороне, почти вне времени. Никто не удивился бы, если бы он стал рассказывать личные воспоминания о Пушкине или Баратынском или читать стихи неродившихся еще поэтов.

Три кризиса должно было быть прожито в канун Возрождения. Три страстных субботы перед светлым воскресением. Потому что из двух факторов поэтического произведения — поэта, творящего его, и общественности, творящей поэта, — изменился второй: глухое статическое состояние сменилось ясным и вольным движением. Все три кризиса, различные в частности, имеют нечто общее: выход из уединенности, обнародование себя, уход от алтарей на паперть, и дальше, туда, на площадь, в толпу и в гуцу жизни.

Валерий Брюсов, поэт культурной России, России, поскольку она привила себе яды Запада, развела города и ошелушилась фабриками, сказавший про себя:

По улицам узким, и в шуме и ночью, в театрах, в садах я бродил,
И в явственной думе грядущее видя, за жизнью,
за сущим следил *¹,

поэт города, «следящий за сущим», поскольку оно открывается в городе, пережил свой кризис в аспекте города же, и в том же аспекте вышел победителем.

После стихов кризиса, таких, как «К согражданам»:

* Urbietorbi. Вступление.

Борьба не тихнет. В каждом доме
Стоит кровавая мечта,
И ждем мы в тягостной истоме
Столбцов газетного листа²,

где еще голос и жест жреца, вышедшего на народ, не уверен, вдруг
опять раздалось медно-вкованное слово и засверкали мастером
литые образы.

Городу
Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.
Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты — чарователь неустанный,
Ты — не слабеющий магнит!
Драконом хищным и бескрылым
Засев, — ты стережешь года,
А по твоим железным жилам
Струится газ, бежит вода... *³

Такие стихи всем слышны. Здесь все накопленное в тиши подвалов богатство выносится на свет, кое-что блекнет и рассыпается, но с чем сравним блеск благородных металлов и настоящих камней на дневном солнце?

Вячеслав Иванов, поэт варварской России, чье сложное сознание, искушенное древним Римом и западом, все-таки сохранило дикую кровь, чей язык — мишень остроумцев — напитанный славянизмами и обнажающий древнюю душу слов, дал работу русской литературе на десятилетия, поэт оды по преимуществу, пережил свой кризис в какой-то глуши личной жизни, в солнечной вражде с неумолимым Эросом. Весь яд уединенности пережит в самой острой форме: уединенность чужой души уже невыносима и вызывает

Ропот
Твоя душа глухонемая
В дремучие поникла сны,
Где бродят, заросли ломая,

* Альманах «Шиповник».

Желаний темных табуны.
Принес я светоч неистомный
В мой звездный дом тебя манить,
В глуши пустынной, в пуще дремной
Смолистый сев похоронить.
Свечу, кричу на бездорожья;
А вокруг немеет, зов глуша,
Не по-людски и не по-Божьи
Уединенная душа⁴.

Кризис индивидуализма дает удивительное настроение утренней печали, когда жалко расставаться со вчерашней душой, а пора: солнце уж восходит!

И медлит благовест рассвета
Так погребально и светло⁵.

Но в той же книге кризиса «Эрос», откуда взяты приведенные стихи, уже звучит первая песня поэта, покинувшего башню: Богатая душа хочет дарить,

До истощенья расточая,
До изможденья возлюбя⁶.

И недоразумение поэта, впервые отдающего себя народу, как нельзя лучше выражается в детских строчках последнего стихотворения книги «Эрос»:

Люди встречные глядели на меня.
И не знал я: потерял иль раздарил?
Словно клад свой в мире светлом
растворил, —
Растворил свою жемчужину любви...
На меня посмейтесь, дальние мои!
Нищ и светел, прохожу я и пою, —
Отдаю вам светлость щедрую мою⁷.

Бальмонт, пришедший «в этот мир», «чтоб видеть Солнце», чтоб «петь о Солнце»⁸, пережил кризис в наиболее острой форме. Если гражданские стихи В. Брюсова только не были сильны и воодушевленны, то у Бальмонта они, за исключением нескольких гениальных обмолвок (Цусима)⁹, были плохи. Поэту

лирической песни было легче сорваться в пропасть, чем поэту элегии, в которой раздумье удерживает от крайностей чувства. Но после «товарищей» и «истуканов» Бальмонт сразу, угадывая будущее, взял самую широкую дорогу: запил от ключа народной поэзии. И опять поднялся тот вопрос, который со времен Гомера ребром стоит в истории литературы. Как относиться к народной поэзии? Нужно ли, допустив на себя самое широкое ее влияние, пересказывать ее сюжеты, только несколько видоизменяя форму, в интересах более легкого восприятия? Не есть ли это только популяризация и притом в худшем своем виде, когда в процессе переделки теряется многое? Не грешит ли Бальмонт перед лицом народа, пересказывая сказки (Елена-Краса) и былины (Садко)? Вот перо Жар-Птицы. У Бальмонта: «На дороге ярко рдеет, золотой горит огонь»¹⁰. А в сказке: «так чудно и светло, что ежели принести его в темную комнату, то оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч»¹¹. Где ярче? Не две ли только возможности у поэта: либо стать ученым и, как бисер, собирать и записывать сказки и былины, все варианты, подготавливая почву будущей ученой работе по сводке всего материала, либо просто слушать жизнь, забыв о всех литературах, и о народной также, и складывать свои песни, как складывается, и, если ты поэт и народен, то и выйдет по народному? К счастью, уже имеются перлы такого отношения у Бальмонта, это стихи из цикла «Зеленый Вертоград», приводимые ниже, но «Злые Чары» нужно считать книгой кризиса¹². Не то, что были бы плохи такие стихи, как «Избушка».

Уж листья осыпаются,
Уж осень на дворе,
Уж стаи птиц скликаются,
За лесом на заре;

такие, как «Зоря-зоряница»:

Красные губы,
Белые зубы;

такие, как «Заклинательница гроз»:

И, опоясан огнем,
В брызгах, в изломах червленого злата,

В рокотах струн,
Сея алмазы продольным дождем,
В радостях бури, в восторге возврата,
Мчится — Перун, —

нет, но это еще не самые прекрасные дети Бальмонта от народной стихии. Вот «опоясан огнем» хорошо сказать про Перуна, а «сея алмазы», «в восторге возврата» уже нехорошо, потому что литературно. Или:

Пала молния
В безглагольность вод¹³.

Разве нет противоречия между простотой описания в первой строчке со сложностью отрицательного понятия «безглагольность»? Или:

Черные вороны, воры, играли над нами.
Каркали. День погасал
Темными снами¹⁴.

Неужели будет рифма: бокал? Так и есть. И приведенный ею «призрак».

Темными снами
Призрак наполнил мне бледный бокал¹⁵.

Все эти недостатки станут яснее, если только прочесть такие стихи Бальмонта:

Мы, как птицы, носимся,
Друг ко другу просимся,
Друг ко другу льнем.
Пляшем, разомлелые,
И рубахи белые,
Как метель кругом.
В вихре все ломается,
Вьется, обнимается,
Буйность без конца.
Посолонь кружение,
С солнцем наше мление,
Солнечны сердца¹⁶.

Здесь и пляс, и Бальмонт, и народ.

Таковы три кризиса. И три поэта — те же и не те: Валерий Брюсов с глаголом пророка, громким, как колокол; Вячеслав Иванов, идущий в толпе с детски-растерянным видом, как на портрете Сомова; и Бальмонт в хлыстовской пляске. И всем в лицо солнце народное.

1907

